

Russian ANGEL

РУССКИЙ
АНГЕЛ

Чернилами мыслей и чувств напою я перо утомлённого взгляда,



*Здравствуй,
Отец!*

чтобы составить картину работы
и жизни текущей.

Площадь земную разбили границы, а небо земли
разделилось на много небес,
и моё не высоко совсем — это русское небо, *Отец*.
Здесь трава новых душ зелена и пышна,
да не может подняться она над косою времён:
косит свет её, косит тьма, пожирают чужие
принельцы.



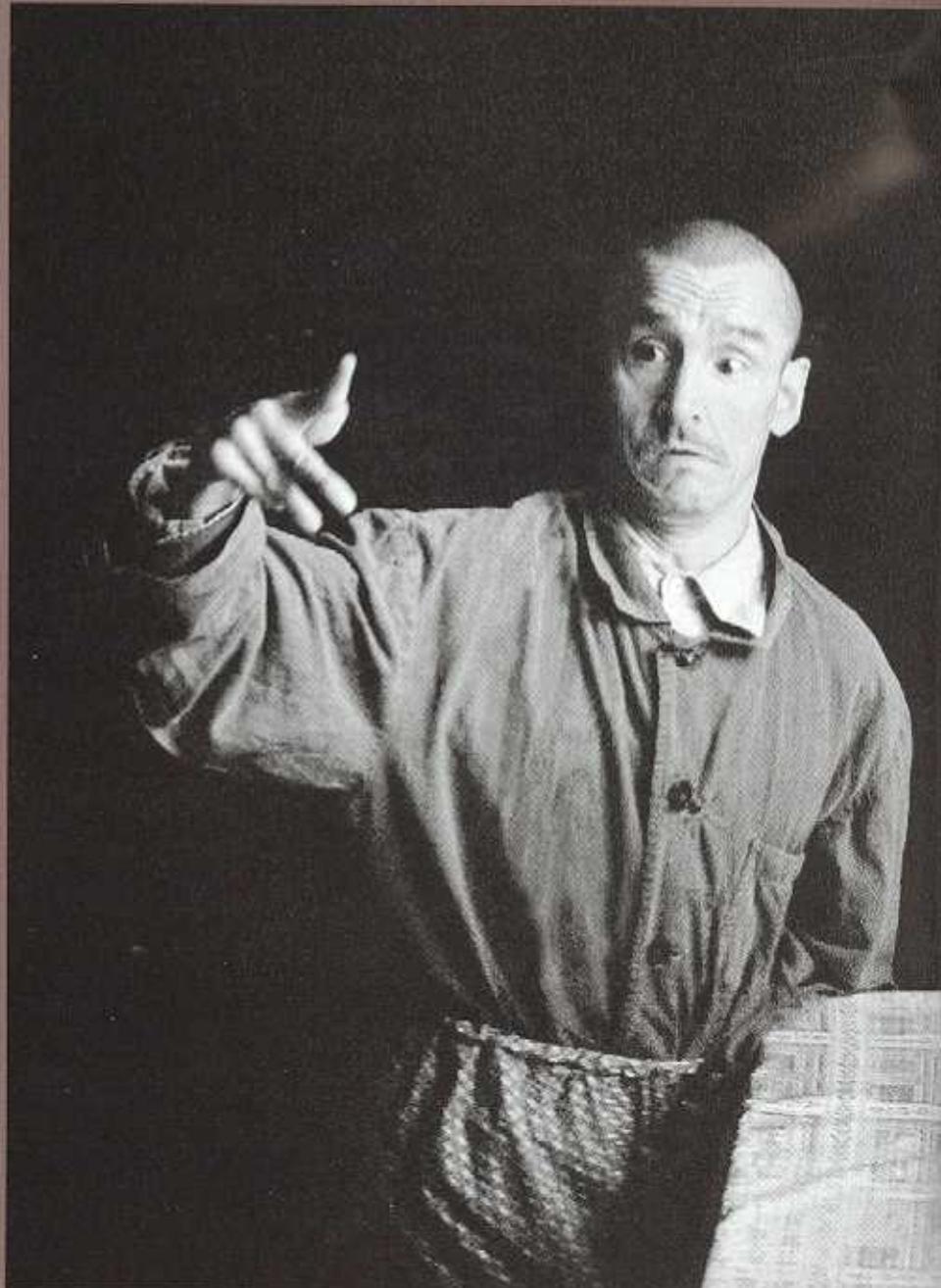
отражения правят

Здесь любовь и терпение могут обнять
некрасивые вещи, душу дать даже злу и
убогости — и тогда поднимается
ввысь вся крылатая грязь, чтобы славить
убогость свою и нахальство слепое.

В русском небе, *Отец*,

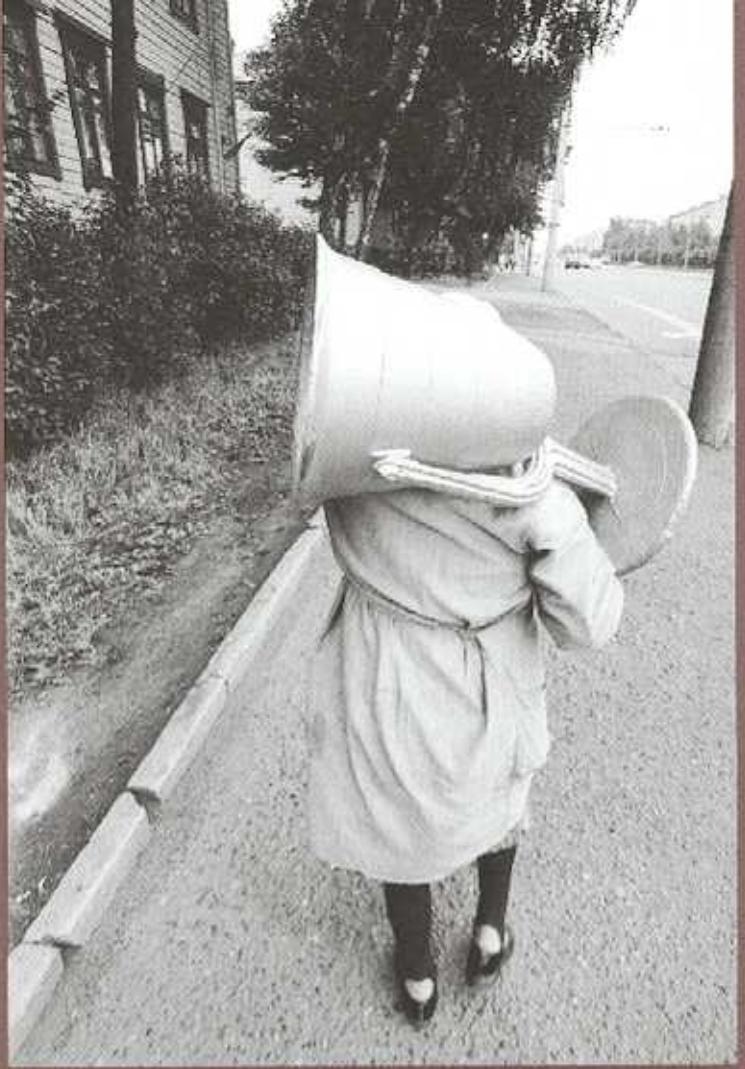
и

жизнь моя,

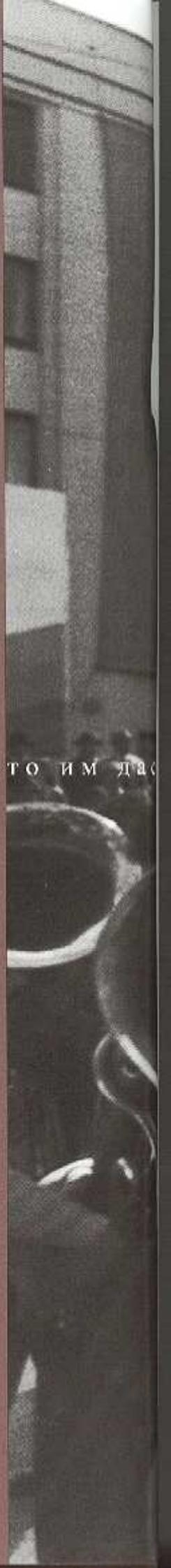
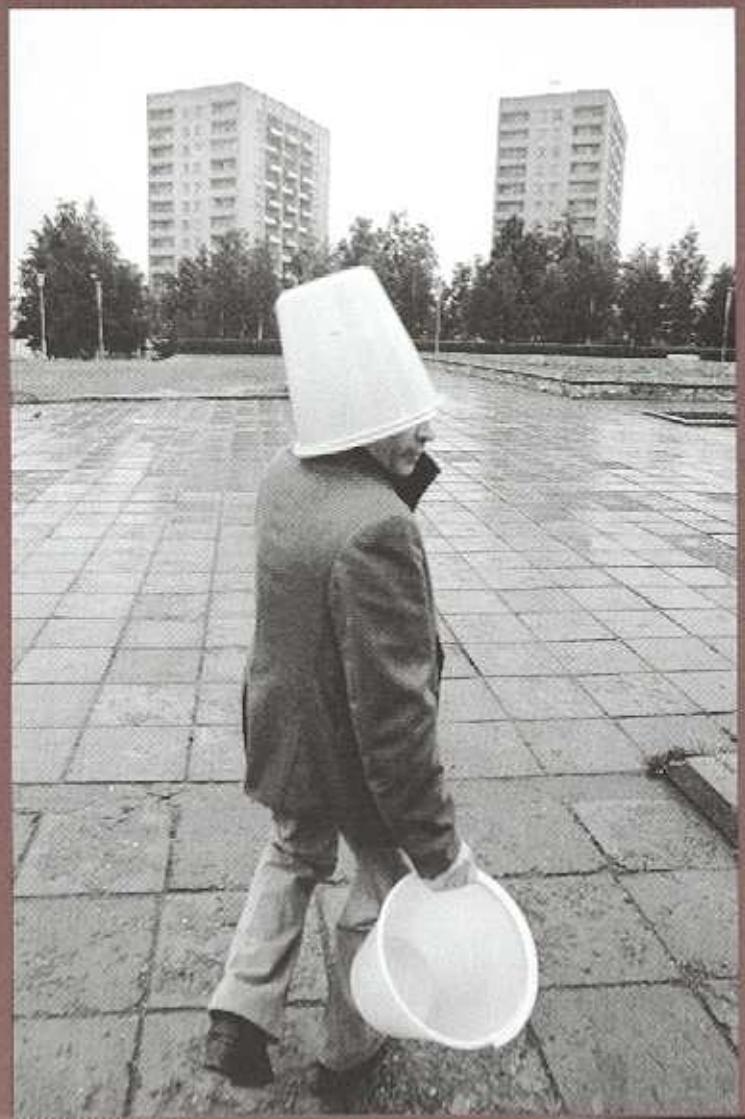


из зеркал вырастают когтистые лапы и
хвалят глаза человечьи,
не зная пошад.





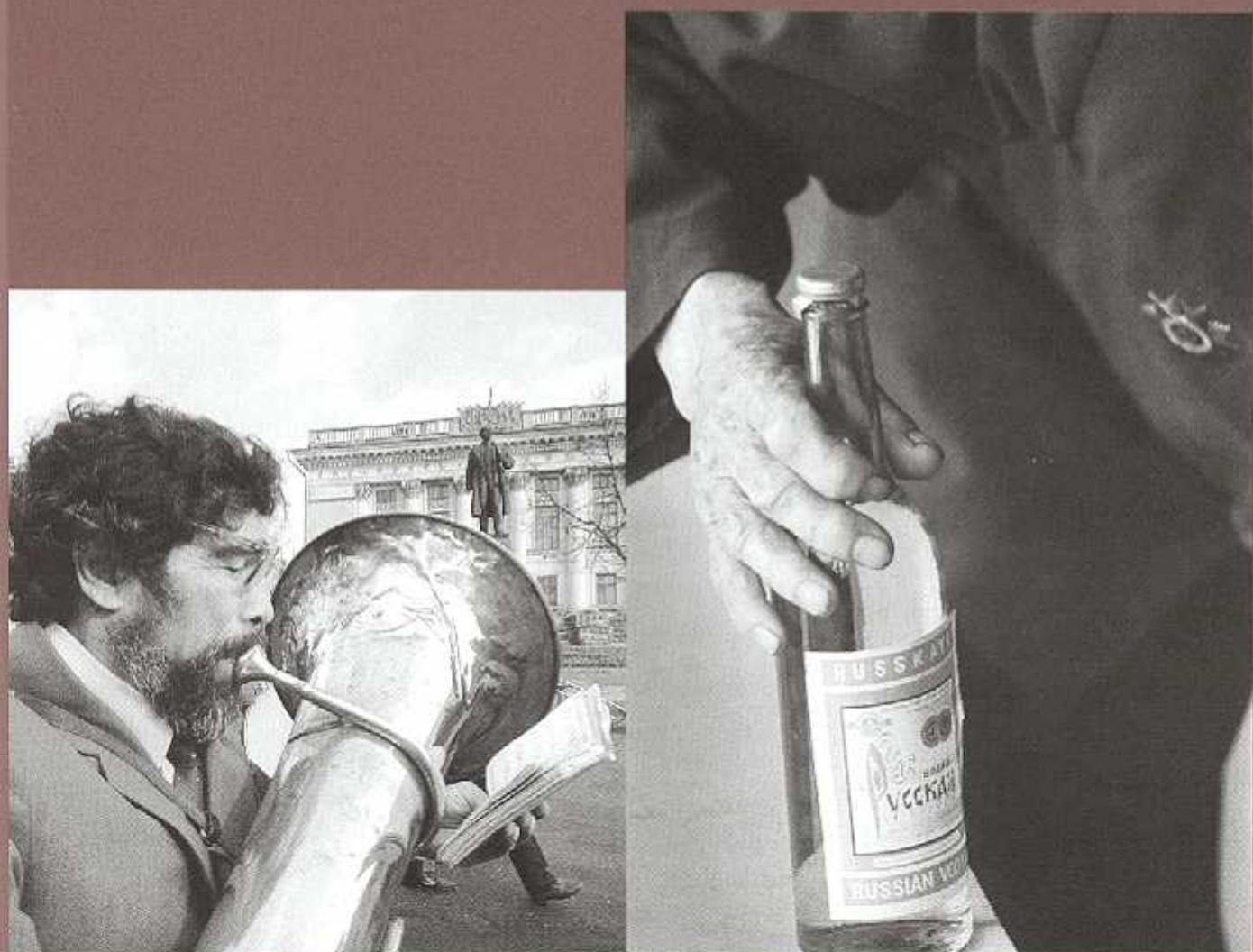
Потерявшие право и имя свое ищут тех, кто им даст





послушание, кличку и знамя.

Много демонов кормится тут
изобильной печалью живущих. Нет
мостов, по которым бы память могла
перейти через смерть.
Что же есть здесь, *Отец*?
Только то, что присуще началам начал:
внятность дней не связуется в вечную
залежь.



Пробуждение
разума
веру
хоронит –
пробуждённые
в вере,
в безумии
снят.

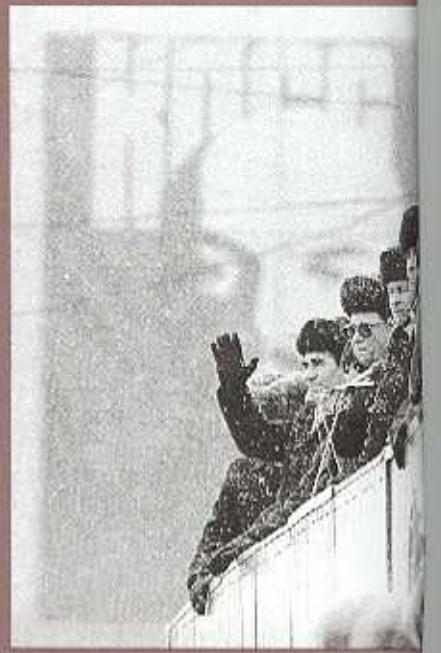




Око жизни не может стать полным,
так как спорят два глаза: кто прав?
Наслаждение есть, оно всюду и много его,
но не выше травы его рост. Это — пища
и кров, зовы плоти и ярость мгновенья.
Это как у животных. Но они говорят.
И язык их животен. Крепость образа жизни
некрепка —
переменчивы формы в нижайших к земле
небесах.

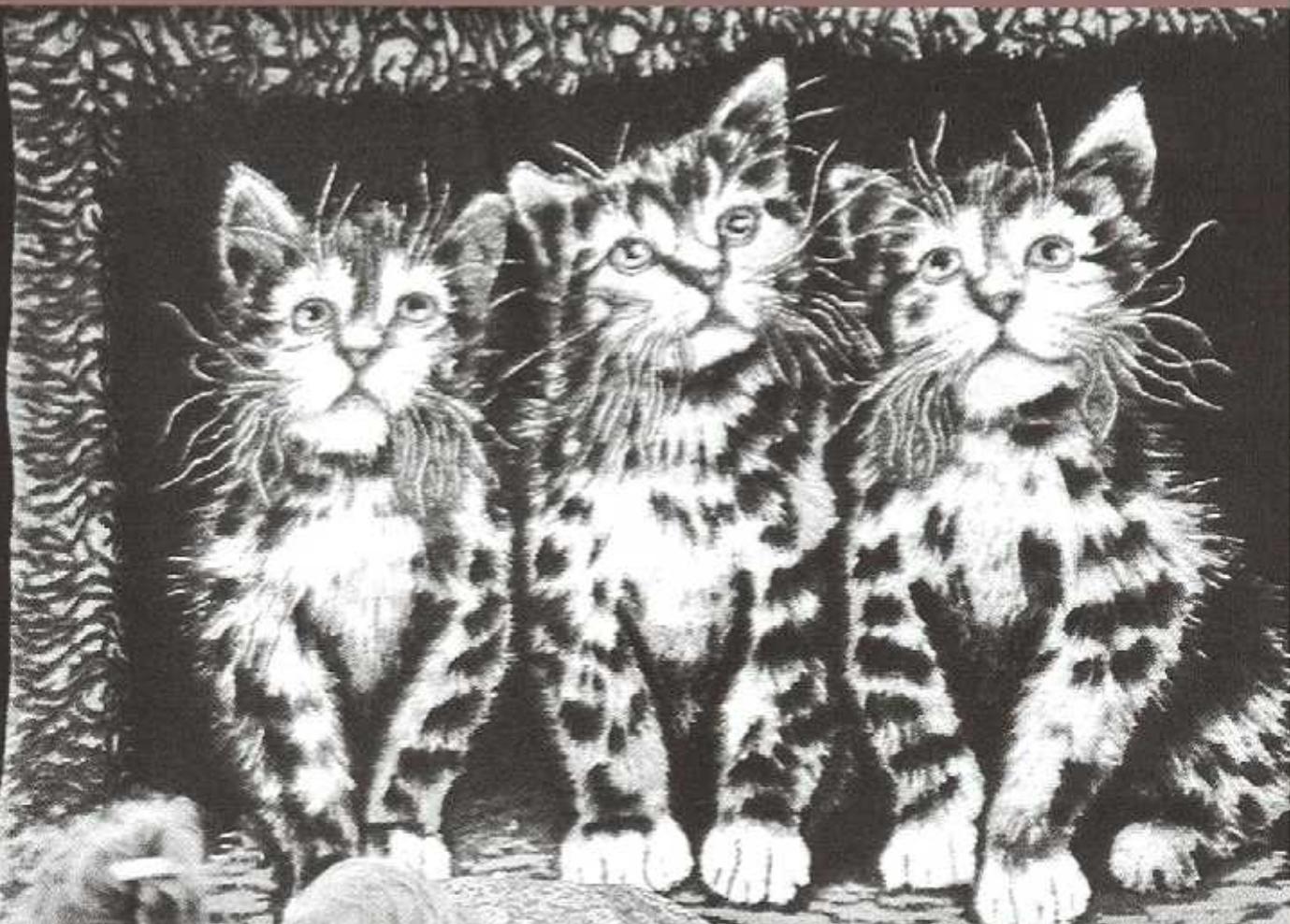


От случайного слова, от царского
жеста зависят зима или лето
в душе человека. Слишком близки
друг к другу невидимый мир и мир
твёрдый. *Что же делать, Отец?!*

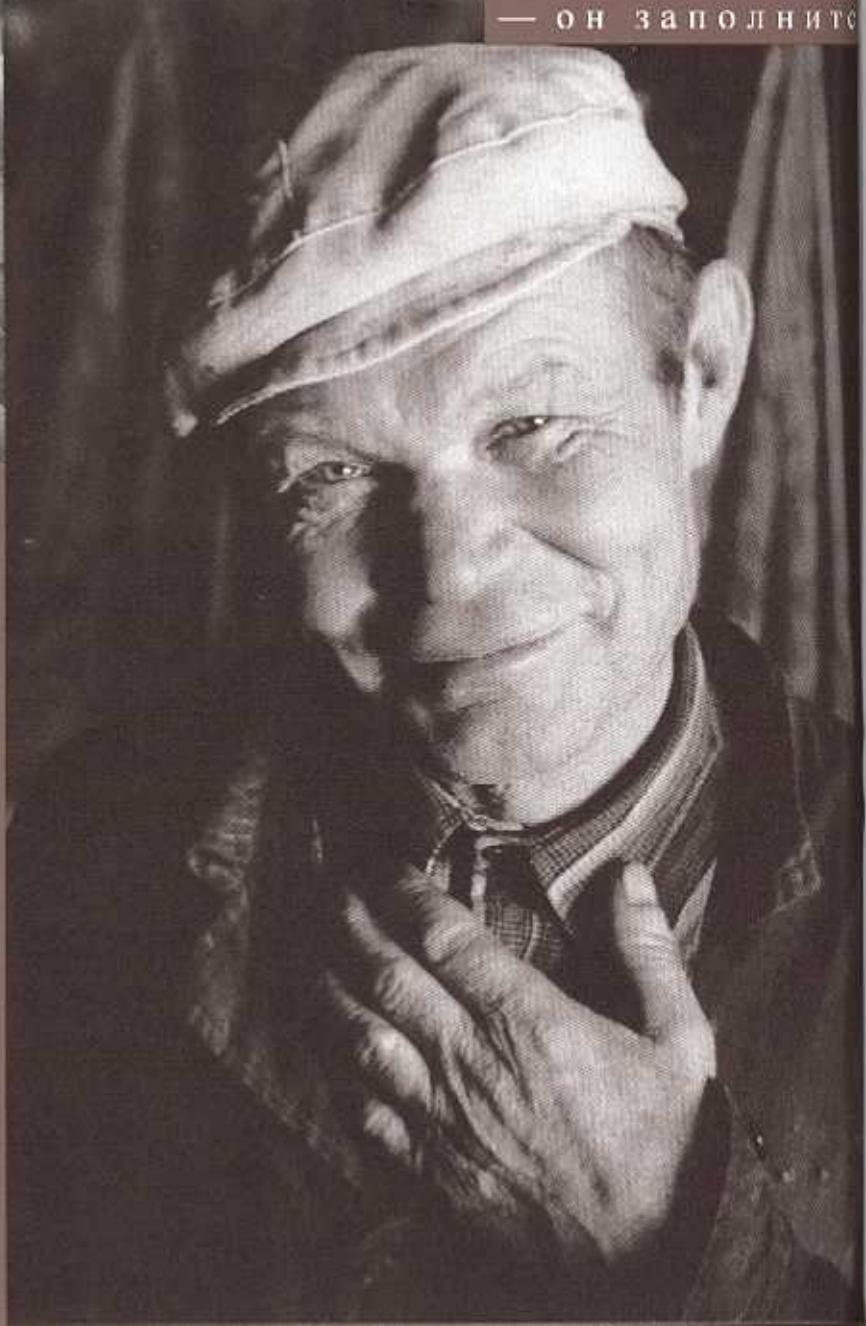
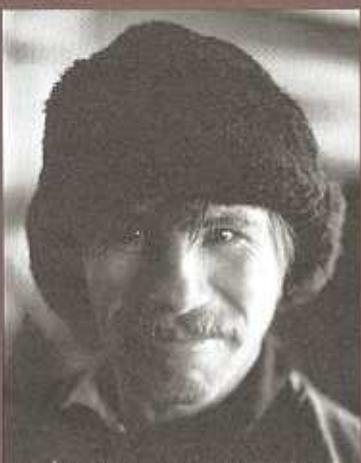


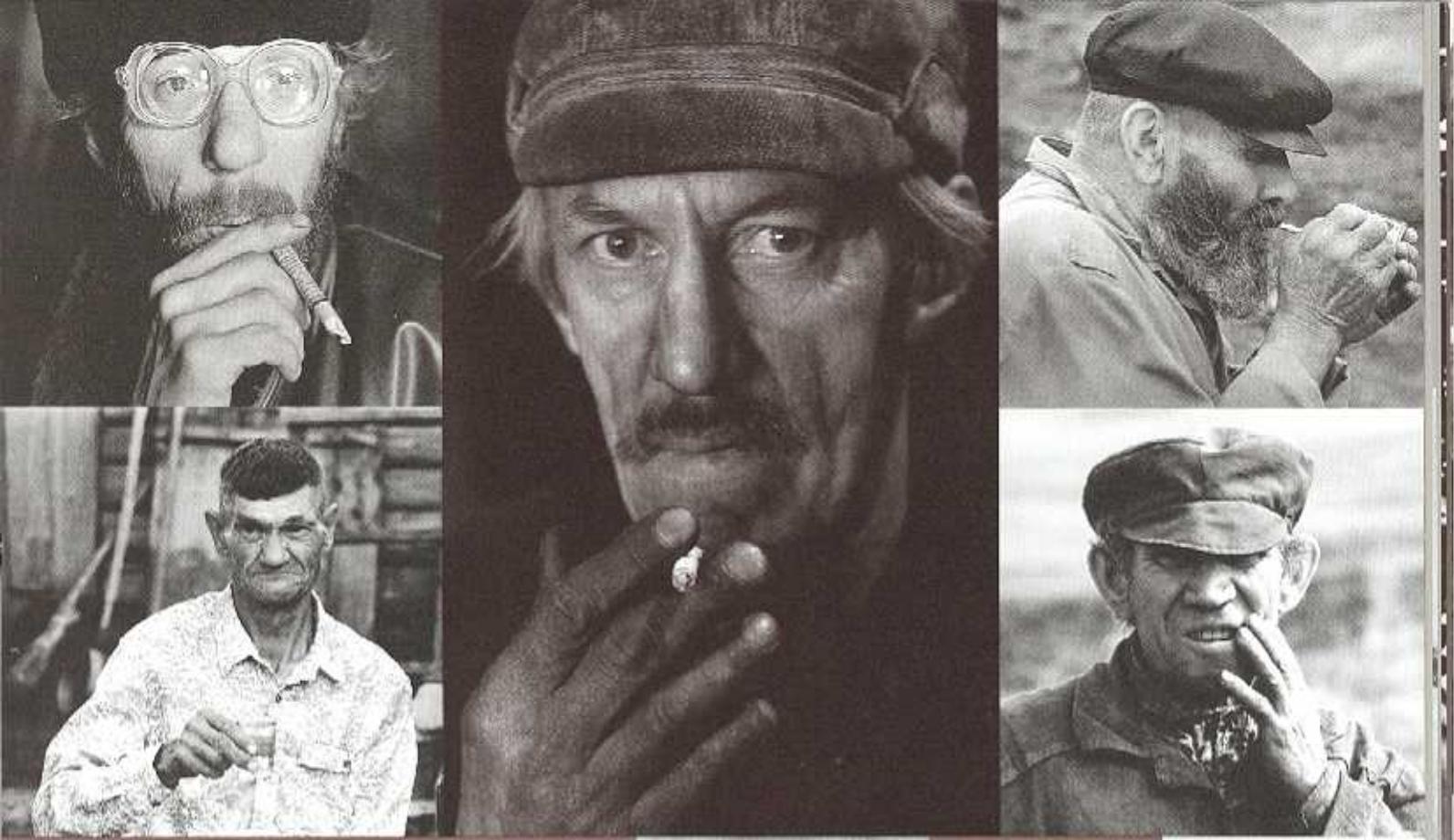


Сорняки не уходят, сад жизни дичает, а плоды,
что дают исполины, поправшие власть травяную,
пожирает трава, как геенна.
Между небом и твердью зазор невелик —



— он заполнит





всяким, кто спит и жуёт.

